

Виктор ВИНОКУРОВ,
доцент Сибирского юридического института ФСКН России,
кандидат юридических наук

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА: объект преступления и квалификация деяний

Наряду с охраной общественных отношений нормы уголовного права регулируют данные отношения. Это осуществляется, во-первых, посредством норм, предусмотренных гл. 8 УК РФ (необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление и др.), и, во-вторых, посредством установления в уголовно-правовых нормах запрета совершать определенные действия. Предлагаемая статья посвящена второму способу регулирования.

Специфика уголовно-правового регулирования заключается в том, что уголовно-правовая норма запрещает определенные деяния. В то же время субъекты имеют право совершать действия, не указанные в ней. Уголовное право, к примеру, не обладает функцией позитивного регулятора половых (сексуальных) отношений, оно лишь запрещает совершать деяния, явно противоречащие сложившимся в обществе принципам половой морали и правилам человеческого общежития. Вместе с тем установление наказания за посягательство на половую неприкосновенность и половую свободу человека регулирует сексуальные отношения¹, запрещая посягательства на половую свободу.

В ряде случаев нормы Особенной части УК РФ выступают единственным источником правил должного поведения. Ни в одном правовом акте, кроме уголовного закона, не содержится конкретных правил поведения, исключающих, например, убийство, причинение вреда здоровью. Общую правовую базу таких правил составляют нормы Конституции РФ, устанавливающие наиболее общие обязанно-

сти, например, обязанность платить налоги и сборы, сохранять окружающую среду. В то же время требования должного поведения, вытекающие из конституционных прав и свобод, разрабатываются в иных нормативных актах, в том числе в уголовном законе, конкретизирующих отношение к социальным ценностям, например, жизни, здоровью, представляя систему позитивных правовых норм, регулирующих поведение людей².

Нормы уголовного права порождают регулятивные пассивные и абсолютные правоотношения, так как, появляясь в результате действия норм уголовного права, они обязывают «всех и каждого» воздержаться от каких-либо посягательств на эти блага³. Положения уголовного закона о возрасте, с наступлением которого возможна уголовная ответственность, о вменяемости свидетельствуют, что его нормы адресованы лицам, способным по возрасту, психическому состоянию отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. «Если считать, что уголовное право только охраняет общественные отношения, — писал Б.С. Никифоров, — то возникает вопрос, какими отраслями права регулируются общественные отношения, охраняемые уголовным правом, например, при убийстве и других преступлениях против личности?»⁴ Запрещая противоправные деяния, уголовно-правовые нормы предопределяют правила должного поведения, регулируют общественные отношения. Социальные связи как объект уголовно-правовой охраны и предмет уголовно-правового регулирования превращаются в уголовно-правовые

¹ Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Рапога. М., 1996. С. 66.

² Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М., 1995. С. 12.

³ Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Вып. 1. Введение в уголовное право. Свердловск, 1971. С. 96 — 98.

⁴ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 9, 10, 12.

отношения при воздействии на них нормы уголовного закона⁵.

В зависимости от отрасли права, где сформулирован запрет, выделяют прямую (уголовную) противоправность, когда деяние запрещено уголовным законом независимо от того, запрещено оно также нормами других отраслей права или нет, и смешанную (бланкетную) противоправность, когда действие, запрещенное уголовным законом, признано противоправным нормами других отраслей права⁶. Преступления с общей противоправностью нарушают только положения уголовно-правовых норм, а преступления со специальной противоправностью нарушают одновременно два уровня нормативных требований: уголовно-правовых и специально-отраслевых⁷. Можно выделить общерегулятивные уголовные правоотношения, определяющие уголовную противоправность, и смешанные регулятивные уголовные правоотношения, определяющие смешанную противоправность.

В последнее время наличие регулятивной функции уголовного права критикуется. По мнению И.В. Шишко, его нормы запрещают посягать на жизнь, личную неприкосновенность, свободу, которые корреспондируют естественным правам, возникающим при рождении, неотчуждаемым, реализующимся непосредственно и независимо от воли людей⁸. Тем самым отрицается общерегулятивные уголовные правоотношения.

Кроме этого, нормы уголовного права не регулируют экономические отношения. Например, обязанность регистрации предпринимательской деятельности установлена в п. 1 ст. 23 ГК РФ, а обязанность регистрировать юридическое лицо — в п. 1 ст. 51 ГК РФ. Диспозиция ч. 1 ст. 171 УК РФ не может быть адресована участникам позитивных общественных отношений, поскольку в соответствии с п. 1 ст. 2 ГК РФ отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием

регулирует гражданское законодательство, которое содержит отсылочные нормы к нормам иных отраслей права. Так, ст. 51 ГК РФ устанавливает, что порядок регистрации юридических лиц определяется соответствующим законом, нормы которого относятся к административно-правовым. Следовательно, гражданское законодательство, закрепляя за собой регулирование отношений с участием лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, часть этих отношений доверяет регулировать нормам других отраслей права, но никогда не отсылает для этого к нормам УК РФ. Если допустить, что ст. 171 УК РФ содержит обязанность, адресованную всем участникам позитивных отношений, то возникает вопрос о том, всегда ли необходима регистрация предпринимательской деятельности или она необходима только, когда предвидится получение дохода в крупном размере или причинение крупного ущерба. Однако обязанность регистрировать предпринимательскую деятельность существует независимо от величины ожидаемого дохода или прогнозируемого ущерба. Поэтому обязанности регистрировать ее или запрета осуществлять ее без регистрации обращенных к участникам позитивных общественных отношений в диспозиции ст. 171 УК РФ нет. Или не могут положения ст. 178 УК РФ регулировать отношения, складывающиеся на товарных рынках в РФ⁹. Тем самым отрицается существование смешанных уголовных правоотношений.

Рассмотрим приведенные доводы. Во-первых, само по себе закрепление естественных прав в Конституции РФ не оказывает воздействия на участников общественных отношений без запретов в нормах УК РФ, подкрепленных санкциями. Поэтому нормам уголовного права отводится существенная роль в регулировании отношений (например, в сфере экологии) посредством угрозы применения жестких санкций, влияющих на легкомысленное отношение людей к природе¹⁰.

⁵ Кленова Т.В. Кодификация и текущее уголовно-правовое регулирование. Самара, 1995. С. 43; Чистяков А.А. Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме, формирующем ее основание. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 27–28.

⁶ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 117–120.

⁷ Тер-Акопов А.А. Указ. соч. С. 9–13.

⁸ Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 119.

⁹ Шишко И.В. Указ. соч. С. 127–128.

¹⁰ Векленко В.В., Попов И.В. Негативное воздействие на природу как основание юридической ответственности за экологические правонарушения // Вопросы правовой теории и практики: Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 4. Омская академия МВД России, 2007. С. 120–127.

Во-вторых, нормы уголовного права не только усиливают запрет, но и конкретизируют многие положения Конституции РФ. Так, если в ч. 2 ст. 21 и ст. 22 Конституции РФ фактически провозглашено «не причиняй телесные повреждения», то тогда и единственный случай нанесения удара, не нарушившего анатомической целостности тела потерпевшего, противоречит Конституции РФ и противоправен, хотя бы в ст. 116 УК РФ была предусмотрена уголовная ответственность лишь за побои, т. е. за нанесение более чем одного удара. Если ст. 20 Конституции РФ провозглашает «каждый имеет право на жизнь», ст. 35 Конституции РФ содержит запрет на нарушение права собственности, а соответствующие уголовно-правовые нормы представляют собой лишь санкцию за нарушение конституционных запретов, то в случае убийства из корыстных побуждений будут нарушены два запрета и, соответственно, имеют место два преступления¹¹, в то время как такие действия следует квалифицировать по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. «То обстоятельство, — обоснованно отмечает А.И. Бойцов, — что уголовный закон не излагается в форме запретов, вовсе не означает, что норма уголовного закона не запрещает завладевать чужим имуществом, лишать жизни другого человека и т. д., а лишь устанавливает на случай такого поведения применение санкций, выступающая в виде некоего преюдицианта, который указывает на цену поступка свободно, не обремененного какими бы то ни было обязанностями человека»¹².

В-третьих, запрет, сформулированный в ст. 171 УК РФ, не всегда регулирует предпринимательскую деятельность, а только если она ведется в значительных масштабах, что существенно нарушает интересы субъектов отношений.

Непризнание общих правоотношений объясняется неверным, с нашей точки зре-

ния, отождествлением таких понятий, как «возникновение правоотношений» и «реализация правоотношений». «Обязанность соблюдать правила уличного движения, — отмечал Б.Т. Базылев, — равно как и адекватное право государства требовать соблюдения указанных правил, возникает сразу после принятия той правовой нормы, которая эти права и обязанности установила, т. е. с момента вступления в силу соответствующего нормативно-правового акта государства. Правовое отношение, о котором здесь идет речь, возникает с данного момента, а не когда правила нарушаются»¹³. Основанием возникновения общих уголовно-правовых отношений выступает сложное образование: уголовно-правовая норма, нормативный акт, вводящий эту норму в действие, и наступление события, когда уголовный закон вступает в действие¹⁴.

Признание за уголовным правом регулятивной функции, когда норма уголовного права рассматривается не только как санкция за нарушение норм «регулятивных» отраслей права, но и как формальный источник прав и обязанностей субъектов отношений, имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку субъекты правоотношений, вернее — их правовой статус, определяют границы уголовных правоотношений, выступающих объектом преступления.

В повседневной деятельности встречаются ситуации, когда субъекты не включены в деятельность, не предусмотренную нормами «регулятивных» отраслей права. Субъектом присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ) является лицо, достигшее 16 лет, но не достигшее 18 лет, когда с ним может быть заключен договор о материальной ответственности. Соответственно, лицо может и не быть субъектом трудовых правоотношений, но тем не менее при совершении хищения подлежит привлечению к

¹¹ Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 73 — 74.

¹² Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб., 1995. С. 16 — 17.

¹³ Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С. 75.

¹⁴ Чистяков А.А. Элементы основания уголовной ответственности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1993. С. 18. Такая позиция была признанной и в теории уголовного права досоветского периода. Деяние должно быть запрещено законом или основывающимся на законе административным постановлением, уже вступившим в законную силу в момент совершения караемого поступка, так как только при этом условии существуют юридическое основание ответственности — обязанности каждого подчиняться установленным для всех граждан предписаниям закона. Признаки, характеризующие преступление, устанавливают пределы судебного усмотрения, исключая признание преступлением поступков хотя и сходных с преступными деяниями, но прямо в законе не запрещенных. См.: Уголовное уложение. Объяснение к проекту редакционной комиссии (часть Общая). СПб., 1885. С. 19.

уголовной ответственности, так как включено в правоотношения, выступающие объектом преступления.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, признается не только водитель, сдавший экзамены на право управления и получивший соответствующее удостоверение, но и любое лицо, управляющее транспортным средством, в том числе то, у которого указанный документ был изъят за ранее допущенное нарушение, а также лицо, не имевшее их. По мнению Н.В. Генрих, отрицающей регулятивную функцию уголовного права, в данном случае, не будучи включенным в систему правовой регуляции административного права, лицо, управляющее транспортным средством, тем не менее является субъектом иных правоотношений, в том числе имеющих в своей основе нормы естественного права. Поэтому ответственность таких лиц в уголовном праве должна наступать на основании предписаний, имеющих в своей основе не административно-правовой, а иной правовой запрет. Фактически нормы уголовного права возлагают на граждан обязанности в сфере правового регулирования иных отраслей права, что представляется недопустимым и противоречащим логике разделения «сфер влияния и ответственности», различных правовых отраслей¹⁵.

Следовательно, получается, что поведение человека, не имеющего права на управления автомобилем и не являющегося субъектом административных правоотношений, причинившим в процессе управления автомобилем вред, указанный в ст. 264 УК РФ, является преступным. Однако возложение уголовно-правовой обязанности не садиться за руль автомобиля при отсутствии на это прав является недопустимым. При этом автор забывает о

том, что уголовное право как отрасль российского права выступает неотделимым элементом всей системы права. Так, уголовное и гражданское право являются частями единой правовой системы, их нормы воздействуют на поведение как единый объект регулирования. Предпринимательская деятельность одновременно регулируется нормами ГК РФ, где дается ее понятие и условия ее осуществления, и, например, ст. 171 УК РФ, устанавливающей наказание за предпринимательскую деятельность, осуществляемую как без регистрации, так и без лицензии¹⁶.

Проблема в признании регулятивной функции уголовного права заключается еще и в том, что позиция высшего судебного органа при квалификации деяний, не урегулированных нормами иных отраслей права, иногда колеблется. К примеру, по делу в отношении Н., А., и М., знавших, что Б. занимается незаконными сделками с иностранной валютой, и напавших на него с целью завладения имуществом, полученным незаконно, суд признал их виновными по пп. «а», «н» ст. 102; ч. 3 ст. 146 и ч. 4 ст. 148 УК РСФСР¹⁷. То есть незаконные по определению интересы лиц, были признаны охраняемыми уголовным законом.

В то же время из обвинения в отношении С. и О. исключен состав вымогательства (п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ) в отношении Б. и Р. на том основании, что С. и О., зная о совершенном Богдановым и Рыбаковым преступлении, имели своей целью овладеть определенной частью денежных средств, похищенных Б. и Р. при разбойном нападении. С этой целью С. позвонил им и, требуя 6 тыс. долларов США, стал угрожать, что сообщит о совершенном ими преступлении. Опасаясь разоблачения, Р. и Б. отдали требуемую сумму. По мнению Президиума Верховного Суда РФ, угрозу разглашения сведений о совершенном преступлении нельзя признать обстоятельством, существенно нарушающим права Б. и Р. либо причиняющим вред их законным интересам¹⁸. В последнем случае, правда, не принято во внимание содержащее

¹⁵ Генрих Н.В. Предмет уголовно-правового регулирования в системе правоотношений // Российская юстиция. 2010. № 8. С. 17–18.

¹⁶ Жалинский А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // Государство и право. 1999. № 12. С. 47–48.

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 7. С. 14.

¹⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 10. С. 13–14. В литературе уже обсуждали допустимость уголовно-правовой охраны незаконных интересов граждан, когда лицо было осуждено за вымогательство имущества, полученного от незаконной продажи оружия за рубеж.

еся в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 4 мая 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о вымогательстве» разъяснение, в котором сказано: «Как вымогательство под угрозой оглашения позорящих сведений следует квалифицировать требование передачи имущества, сопровождающееся угрозой разглашения сведений о совершенном потерпевшим или его близкими правонарушении... При этом не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой разглашения которых совершается вымогательство»¹⁹.

Вторая форма несовпадения между нормами «регулятивных» отраслей и уголовного права выражается в том, что субъекты совершают действия, противоречащие нормам «регулятивных» отраслей права. Так, С., являясь матерью-одиночкой, чтобы содержать себя и своего трехлетнего сына, занималась проституцией. Затем она вышла замуж. Поскольку семье не хватало денег, она продолжила занятия проституцией. Ее сутенер П. рассказал ее мужу и его друзьям, чем занимается С., в отместку за то, что она «работала» не по полной «программе». Поэтому С. решила покончить с собой, но ее смерть не наступила — соседи вытащили ее из петли. А.Н. Красиков, приводивший этот пример, считал: учитывая, что проституция в России, пусть и не преступление, но административное правонарушение, разглашение сведений о занятии определенным лицом проституцией не является нарушением законных интересов. Следовательно, информация о том, что женщина занималась проституцией, не входит в какую-либо тайну, охраняемую законом²⁰.

Однако представляется, что распространение подобной информации является

преступлением, предусмотренным ст. 137 УК РФ. До 2003 г. преступление, предусмотренное ст. 137 УК РФ, считалось оконченным с момента причинения вреда правам и законным интересам граждан. В настоящее время это преступление окончено с момента распространения сведений, а не с момента причинения вреда правам и законным интересам граждан.

Рассмотрим квалификацию неправомерного завладения имуществом, которым лицо обладало незаконно. В досоветском и советском праве завладение таким имуществом признавалось хищением²¹. Такой же позиции придерживается и Верховный Суд РФ, указывая в постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», что ответственность за хищение наркотических средств или психотропных веществ наступает при противоправном их изъятии у юридических и физических лиц, владеющих ими законно или незаконно, в том числе путем сбора наркотикосодержащих растений либо их частей с земельных участков сельскохозяйственных и иных предприятий и с земельных участков граждан, на которых незаконно выращиваются эти растения²². Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 12 июня 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» хищением таковых признается изъятие их как из государственных или иных предприятий или организаций, так и у отдельных граждан, владевших ими правомерно либо незаконно²³.

Хотя адвокаты настаивали на том, что посягательство на незаконные и, соответственно, не охраняемые интересы не может быть вымогательством (ст. 163 УК РФ), Верховный Суд РФ признал действия лиц, требующих передачи имущества под угрозой разглашения сведений о том, что имущество получено преступным путем, вымогательством. См.: *Голиков К.Н.* Пределы допустимой государственной защиты потерпевших по делам о вымогательстве // *Юрист.* 1999. № 8. С. 56 — 57; *Сергеев В.И.* Оценка действий потерпевшего при квалификации вымогательства // *Законодательство.* 2000. № 3. С. 83 — 85.

¹⁹ *Безверхов А.Г.* Имущественные преступления. Самара, 2002. С. 312.

²⁰ Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 3. Преступления против личности / Под ред. проф. А.И. Коробеева. Владивосток, 2000. С. 424 — 425.

²¹ *Таганцев Н.С.* Уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904. С. 854; *Жижиленко А.А.* Имущественные преступления. Ленинград, 1925. С. 68; Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. ЛГУ., 1973. С. 405 — 407. Так, за разбой были осуждены лица, которые выслеживали граждан, занимавшихся сбытом наркотических средств, и, угрожая оружием, отбирали у них деньги, добытые преступным путем. См.: *Борзенков Г.Н.* Объект преступлений против личной собственности и интересы потерпевших // *Вестник МГУ.* 1983. № 4.

²² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 6. С. 8, 15.

²³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5. С. 4.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» действия лица, сбывающего под видом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ и их аналогов или ядовитых веществ какие-либо иные средства или вещества с целью завладения деньгами или имуществом граждан, следует квалифицировать как мошенничество²⁴. Аналогичное положение закреплено и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», где указано, что «Получение должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг и других материальных ценностей якобы за совершение действия (бездействия), которое он не может осуществить из-за отсутствия служебных полномочий или невозможности использовать свое служебное положение, следует квалифицировать при наличии умысла на приобретение указанных ценностей как мошенничество по ст. 159 УК РФ». Если лицо получает от кого-либо деньги или иные ценности якобы для передачи должностному лицу и, не намереваясь этого делать, присваивает их, содеянное следует квалифицировать как мошенничество²⁵.

Трудно представить, чтобы нормы какой-либо «регулятивной» отрасли права регулировали отношения, возникающие в связи с неправомерным владением оружием, боеприпасами, наркотическими средствами либо отношения между взяткодателем и взяткополучателем. Однако, как мы видим, и без такого регулирования соответствующие действия признаются преступными.

Как полагает И.В. Шишко, отрицающая регулятивную функцию уголовного права, в подобных случаях нет объекта мошенничества — правоотношений, т. е. общественных отношений, возникающих на основе норм

права (противоречащие им отношения УК РФ не охраняет), а использование собственником принадлежащего ему имущества вопреки закону противоречит п. 2 ст. 209 ГК РФ. Квалификация таких действий по ст. 159 УК РФ обязана инерцией социалистического представления об опасности незаконного обогащения, с которым справляется ст. 169 ГК РФ, признающая ничтожность сделки, совершенной с целью, заведомо противоправной основам правопорядка или нравственности²⁶. В.В. Векленко заключает, что подобные действия квалифицируются как мошенничество, поскольку уголовный закон лишь пресекает неправомерное завладение имуществом лицом, совершающим обманное изъятие чужого имущества, и не может охранять такие интересы собственника²⁷.

Чтобы избежать проблем в обосновании преступности указанных выше действий, следует согласиться с Н.Д. Дурмановым в том, что норма уголовного права самостоятельна и создается по иным основаниям, чем нормы других отраслей права, а именно — по признаку общественной опасности деяния. В то же время затруднительно поддерживать указанного автора в том, что нормы уголовного права не воспроизводят каких-либо норм из других отраслей права²⁸.

Так, сложность представляет разграничение вымогательства (ст. 163 УК РФ) и самоуправства (ст. 330 УК РФ) в ряде случаев, возникающих в отношениях между должником и кредитором, когда требования о передаче суммы долга сопряжены с применением насилия не самими кредиторами, а нанятыми ими лицами. По мнению С.А. Ступиной, такие действия являются самоуправством, так как с учетом положений гл. 24 ГК РФ «Перемена лиц в обязательстве» кредитор может передавать свое право (требование), принадлежащее ему на основании обязательства, другому лицу (уступка требования). Отсутствие юридического оформления обязательства не исключает наличие этого права²⁹.

Можно привести еще один пример установления содержания уголовной проти-

²⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7. С. 5.

²⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 8.

²⁶ Шишко И.В. Указ. соч. С. 185–188.

²⁷ Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 31.

²⁸ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 99.

²⁹ Ступина С.А. Вымогательство: криминологическая характеристика и уголовно-правовые средства противодействия. Красноярск, 2005. С. 71.

воправности с учетом положений норм гражданского права. Так, М. дарил Т., которая ему нравилась, подарки, погашал ее долги и угощал в кафе. Увидев ее с другим, М. под угрозой применения насилия потребовал от Т. выплатить ему потраченные на нее 30 тыс. рублей, подтвердив эту сумму чеками и показаниями свидетелей. Действия М. обоснованно были квалифицированы по ст. 163 УК РФ³⁰. В данном случае, поскольку М. подарил имущество, у Т. не возникло никаких встречных имущественных обязательств. Следовательно, содержание уголовно-правового запрета и объем правоотношений, выступающих объектом преступления, в данном случае определяется нормами «регулятивных» отраслей права.

Подводя итоги, отметим, что уголовно-праву наряду с охранительной присуща и регулятивная функция. Уголовно-правовое регулирование осуществляется посредством установления в нормах Особенной части УК РФ запрета совершать определенные деяния, причиняющие вред обществу, т. е. являющиеся общественно опасными, дозволяя субъектам совершать действия, не указанные в диспозиции нормы. При установлении запрета совершать определенные действия, если деятельность субъектов регламентируется «регулятивными» отраслями права, содержание уголовно-правового запрета раскрывается исходя из положений «регулятивных» отраслей права.

Пристатейный библиографический список

1. *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность (теоретические вопросы). — Красноярск, 1985.
2. *Безверхов А.Г.* Имущественные преступления. — Самара, 2002.
3. *Бойцов А.И.* Действие уголовного закона во времени и пространстве. — СПб., 1995.
4. *Борзенков Г.Н.* Объект преступлений против личной собственности и интересы потерпевших // Вестник МГУ. — 1983. — № 4.
5. *Векленко В.В.* Квалификация хищений. — Омск, 2001.
6. *Векленко В.В., Попов И.В.* Негативное воздействие на природу как основание юридической ответственности за экологические правонарушения // Вопросы правовой теории и практики: Межвузовский сб. науч. тр. — Вып. 4. Омская академия МВД России, 2007.
7. *Генрих Н.В.* Предмет уголовно-правового регулирования в системе правоотношений // Российская юстиция. — 2010. — № 8.
8. *Голиков К.Н.* Пределы допустимой государственной защиты потерпевших по делам о вымогательстве // Юрист. — 1999. — № 8.
9. *Дурманов Н.Д.* Советский уголовный закон. — М., 1967.
10. *Жалинский А.Э.* О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // Государство и право. — 1999. — № 12.
11. *Жижиленко А.А.* Имущественные преступления. — Ленинград, 1925.
12. *Киселева П.* Не пошла в гарем — верни подарок // Известия. — 2011. — 17 марта.
13. *Кленова Т.В.* Кодификация и текущее уголовно-правовое регулирование. — Самара, 1995.
14. *Ковалев М.И.* Советское уголовное право. Курс лекций. — Вып. 1. Введение в уголовное право. — Свердловск, 1971.
15. *Кропачев Н.М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. — СПб., 1999.
16. *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления. — М., 1960.
17. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. — Т. 3. — ЛГУ., 1973.
18. *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. — М., 1960.
19. Российское уголовное право: Курс лекций. — Т. 3. Преступления против личности / Под ред. проф. А.И. Коробеева. — Владивосток, 2000.
20. *Сергеев В.И.* Оценка действий потерпевшего при квалификации вымогательства // Законодательство. — 2000. — № 3.
21. *Ступина С.А.* Вымогательство: криминологическая характеристика и уголовно-правовые средства противодействия. — Красноярск, 2005.
22. *Таганцев Н.С.* Уложение 22 марта 1903 г. — СПб., 1904.
23. *Тер-Акопов А.А.* Ответственность за нарушение специальных правил поведения. — М., 1995.
24. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. — М., 1996.
25. Уголовное уложение. Объяснение к проекту редакционной комиссии (часть Общая). — СПб., 1885.
26. *Чистяков А.А.* Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме, формирующем ее основание. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — Рязань, 2003.
27. *Чистяков А.А.* Элементы основания уголовной ответственности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 1993.
28. *Шишко И.В.* Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. — СПб., 2004.

³⁰ *Киселева П.* Не пошла в гарем — верни подарок // Известия. 2011. 17 марта.